

УДК 327.58

**КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА
(НА ПРИМЕРЕ АФГАНИСТАНА)**

© 2013 г.

М.А. Дьяконова

Пятигорский государственный лингвистический университет

marie.d@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2013

Рассмотрены конфликты с учетом конфессионального фактора, а также возможные пути их решения с помощью религии и мирового сообщества как в Афганистане, так и в странах Большого Ближнего Востока.

Ключевые слова: политика, внешняя политика, конфессиональный фактор, религия, Афганистан, исламское государство, конфликт, международные отношения, мировое сообщество, терроризм, наркотраблема.

Внутренняя и внешняя политика каждой страны строится с учетом экономической, социальной, демографической составляющих, в том числе немаловажное значение имеет и религиозная. Именно поэтому конфессиональный фактор во внешней политике отдельных государств играет важную роль, особенно это касается стран с населением, исповедующим ислам. Ввиду этого в исламских государствах существуют различные формы правления, такие как исламская республика (Иран, Афганистан, Пакистан, Мавритания), исламская монархия (Саудовская Аравия, Марокко) [1]. Официальное название Афганистана – Исламская Республика Афганистан – подразумевает, что данное государство опирается на религиозный фактор в своей современной политической жизни, в том числе и внешней.

Исламские революции в Иране, Турции, Афганистане, а в последние годы события так называемой «арабской весны» позволяют нам говорить, что в настоящее время наблюдается подъем именно политического ислама. Все эти явления в одно и то же время подпитывали, сближали и разъединяли фундаменталистские течения и сторонников политизации религии в исламском мире [2].

Стоит особо выделить Афганистан, где сложился некий политический симбиоз государства и племен, где государство сохраняло черты племенного объединения, государственная власть не распространилась на племена, которые фактически самоуправлялись, т.е. там исторически сложился сложный и своеобразный дуализм власти – центрального правительства и племен. При этом надо понимать, что традиционные структуры, основанные на примитивной

демократии племенного или общинного типа, даже при сильном внешнем влиянии могут и не стать зародышами гражданского общества [3]. Межгосударственные и межэтнические противоречия и конфликты на религиозной почве являются проявлением религии в сфере политики. В истории неоднократно можно было видеть политические процессы, происходящие под религиозными лозунгами, и религиозные процессы, имеющие политическое значение. Поэтому прежде всего нужно учитывать конкретное наполнение политическим содержанием религиозных сюжетов, идей и лозунгов, как и религиозное оформление конкретных политических целей. Религиозные войны и конфликты были известны и в прошлые эпохи, но в XX–XXI вв. они приобрели масштабный, можно сказать, мировой характер, несмотря на научно-технический прогресс и глобализацию. Соединение религиозных и политических факторов находило и находит выражение в таких феноменах, как религиозные войны, религиозный пацифизм, в других явлениях религиозно-политической жизни [4].

Конфликты и наиболее жестокие войны между государствами и внутри страны с участием религиозного фактора можно увидеть на примере Ирана и Ирака, Индии и Пакистана, Палестины и Израиля, республик бывшей Югославии.

Серьезность внутренних разногласий такого рода представляет Исламская Республика Афганистан. После вывода советских войск из страны в 1989 году и прекращения какой-либо серьезной помощи правительству Наджибуллы (преемник Б. Кармаля) со стороны уже российского правительства «моджахеды» полностью захватили власть в Афганистане, но при этом в

самом стане победителей стали расти противоречия из-за дележа власти. На этом фоне среди пуштунского этноса все большую силу стало набирать движение «Талибан», во главе которого стояли религиозные лидеры радикального толка. Талибы довольно быстро захватили власть практически во всем Афганистане, играя на религиозных чувствах верующего населения, а также имея вооруженную поддержку со стороны «Аль-Каиды». (Как отмечают отдельные аналитики, движение «Талибан» было образовано не без участия пакистанских спецслужб.)

Еще в сентябре 2003 г. по инициативе Президента Казахстана Н.А. Назарбаева в Астане был проведен I Съезд лидеров мировых и традиционных религий, в котором приняли участие представители разных религиозных направлений и убеждений. Форум положил начало серьёзному разговору о роли религии в устройении общества и о судьбах мира. Главным итогом съезда стало объединение усилий религиозных лидеров для предотвращения конфликтов на религиозной почве, для выработки новых форм международного сотрудничества [5].

В своём выступлении на встрече с общественностью Казахстана уже в январе 2010 г. Святейший патриарх Кирилл, помяная добрым словом инициативу президента Казахстана, в свою очередь выразил уверенность в том, что все крупные проблемы и религиозные противоречия современного мира могут быть разрешены путём диалога и совместных усилий [5].

Уже не первое десятилетие мировым сообществом предпринимаются попытки урегулировать обстановку в ИРА, но существенных изменений не наблюдается. Специфической особенностью Афганистана в течение всего периода его существования являлась слабость центральной власти, фактическая независимость от нее афганских племен и других этносов. (Аналогичная ситуация существует и в Йемене, где властям постоянно приходится «заигрывать» с племенами.)

Афганцы, как и йеменцы, всегда проживали на ограниченной горной территории, где был засушливый климат и недостаток земли, пригодной для обработки. Сложные географические и климатические условия вели к сохранению традиционного для этих этнических групп политического института племени, имеющего свои вооруженные формирования, как социально-политической структуры при существовании в целом достаточно современной политической системы. Характерное не только для афганских пуштунов, но и для всех остальных этносов Афганистана родоплеменное деление до настоящего времени позволяло афганским племенам ос-

таваться вооруженными организациями и, при необходимости, образовывать военно-политические объединения. Поэтому никакая современная центральная политическая власть в данной стране не могла и не может быть стабильной. Такая ситуация будет продолжаться, пока правительство не будет иметь поддержки со стороны локальных традиционных племенных лидеров и не будет опираться на отношения родства и попечительства. В этой связи даже режим талибов в борьбе с другими афганскими этносами был вынужден обращаться за поддержкой к отдельным пуштунским племенным группам.

Говоря о племенном факторе в ИРА, нельзя не отметить, что вот уже несколько столетий важную роль в политической жизни страны играет Лойя Джирга – совет старейшин, который созывается для рассмотрения кризисных ситуаций и наиболее важных вопросов, касающихся политической, экономической и военной жизни страны, а именно престолонаследия, объявления войны, принятия конституции и т.п. Таким образом, данный орган власти созывается не периодически, а имеет чрезвычайный характер. Принятие решений, как представляется местному населению, происходит объективно, справедливо, основываясь исключительно на фактах и логике, потому что в состав Лойя Джирги традиционно входят наиболее уважаемые и мудрые мужчины, которые происходят из богатых кланов, имеющих экономическую и политическую силу.

Нельзя не отметить существенную роль военного или послевоенного фактора в последние годы в ИРА. В результате постоянной вооруженной конфронтации между этническими группами афганского общества, а также внутри них, начавшейся в основном после свержения шахского режима в 1978 году и прихода к власти чуждых (в связи с малограмотностью значительной части афганского общества) прокоммунистически настроенных кругов и последующего ввода в Афганистан советских войск, страна оказалась в состоянии гражданской войны. Как следствие, большинство представителей наиболее влиятельной (в том числе богатой) и образованной части афганского общества или покинули Афганистан (в основном), или были уничтожены (частично). Запад, и в первую очередь США, не могли смириться с распространением советского влияния на данный регион. В борьбе против нового кабульского режима Б. Кармаля и советского присутствия в Афганистане активно использовался религиозный фактор. Западные спецслужбы стали финансировать все антиправительственные группировки

(Исламская партия Афганистана – ИПА, Исламское общество Афганистана – ИОА и многие другие), во главе которых в основном стояли религиозные мусульманские лидеры, обеспечивать их современным оружием, советниками и инструкторами. Эти службы также занимались вербовкой иностранных боевиков по всему миру, и особенно в мусульманских странах, для ведения «джихада» с неверными. Одним из них был Усама Бен Ладен, будущий руководитель «Аль-Каиды». Кроме того, гуманитарная и продовольственная помощь, поступающая в лагеря афганских беженцев, расположенных на пакистанской территории, также использовалась для привлечения в бандформирования новых боевиков, т.к. ее распределением занималась верхушка «моджахедов».

Нельзя также упускать из вида тот факт, что в современной афганской политической системе появился и еще один очень своеобразный неформальный политический институт – институт полевых командиров. В условиях гражданской войны в стране лидеры племен прибегали к созданию своих вооруженных отрядов. Во главе этих формирований становились либо сами традиционные лидеры, либо командиры, действовавшие под их руководством. Институт полевых командиров стал неотъемлемой частью в традиционной структуре афганского общества. Впоследствии наиболее влиятельными традиционными племенными лидерами начали создаваться политические партии современного типа. Наибольшего расцвета эта политическая деятельность достигла в 2004–2005 годах, в период подготовки к парламентским выборам. Итак, институт традиционных лидеров успел приобрести три новые формы: лидеры племен стали выступать в роли депутатов, полевых командиров, а в дальнейшем и руководителей современных политических партий.

Однако в условиях, когда прежние светские модели регулирования социальных отношений на Ближнем Востоке не работают, на политическую арену выступает религиозный фактор, представленный в первую очередь исламскими политическими движениями. Новые политические тенденции сегодняшней «арабской весны» могут также оказаться актуальными и для современного Афганистана. Введение в Северной Африке тезиса «умеренного ислама» может стать сигналом тревоги и для кабульских политиков, которым предстоит скоро решать вопрос о постзападном государственно-политическом устройстве Афганистана [6].

Конечно, любая религия способна быть серьезным миротворческим фактором. Но в то же время, согласно анализу, проведенному из-

вестным конфликтологом Дэвидом Раппопортом по публикациям в прессе, энциклопедиям и другим печатным изданиям, относящимся к данной теме, статей, посвященных отношениям религии и войны, впятеро больше, чем религии и мира. Противоречия на религиозной почве становятся в XXI в. более частыми, чем в прошлом веке. Хотя религия редко выступает как единственный источник конфликта, мусульмане участвуют в большинстве конфликтов на религиозной почве, причем в последнее время нередко применение силы направляется против других мусульман. Более чем в пятидесяти конфликтах первого десятилетия XXI в. присутствуют выразительные или скрытые религиозные моменты. Так, Исламскую Республику Афганистан можно назвать центром подобных угроз, где дислоцируются террористические группировки и не снижается производство наркотиков [7].

Серьезность наркопроблемы неоспорима, и ее статус поднят до уровня угрозы, появилась необходимость и в данной сфере использовать конфессиональный фактор. В этой связи в сентябре 2011 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между российским советом муфтиев и афганским советом улемов о совместном противодействии наркотрафику. По словам Абдулы Хакима Мониба, заместителя министра по делам хаджа в правительстве Афганистана, подписанный 27 сентября договор «может стать основой для развития российско-афганских межгосударственных отношений в целом» [8]. Омар Нессар, руководитель Центра изучения современного Афганистана (ЦИСА), указывает на важность того факта, что договор подписан заместителем руководителя министерства, которое является одним из самых влиятельных политических институтов в Афганистане и имеет очень сильное воздействие на афганское общественное мнение. Но пока не будет стоять преграда на пути финансирования движения «Талибан», нельзя надеяться на обеспечение безопасности и мира в самом Афганистане и в соседних странах. А так как исламистские группировки, подпитывающие талибов, укрываются на территории ИРА, то и террористическая угроза исходит отсюда. Ввиду этого политическая значимость мусульманских организаций усиливается и на международной арене.

Что же касается современного терроризма, Д. Раппопорт называет его явлением, возникшим во второй половине XIX века и тесно связанным с самой современностью как эпохой. Отличительной чертой современных террористических группировок становится не просто присутствие, но и преобладание религиозного аспекта. Причины, по которым в терактах, со-

вершенных религиозными террористическими группировками, гибнет больше людей, заключаются в разнице систем ценностей, в механизмах легитимации и оправдания, в концепциях морали, в мировоззрении, которые присущи религиозному террористу в отличие от его светского аналога. Согласно волновой теории, до сегодняшнего дня существовало четыре волны терроризма, каждая протяженностью примерно в 40 лет: анархистская, антиколониальная, новая левая и сегодняшняя религиозная. Рассматривая развитие терроризма с позиций данной теории, можно предположить, что последняя волна терроризма является религиозной. Она началась еще в 1979 г. и, по мнению Д. Раппопорта, продлится примерно до середины 20-х годов нынешнего столетия.

Именно «четвертая волна», которая сейчас выплеснулась в мир, характеризуется неистовым суицидальным террором. Акты такого террора не являются спонтанными – они тщательно готовятся, решения о подготовке террористов-смертников принимаются руководством террористических сетей. Растет число суицидальных терактов – ежегодно на протяжении 1980-х гг. было менее пяти в год, а в период между 2000-м и 2005 г. их число достигло 180. Большинство суицидальных терактов в последнее время совершили исламистские террористические группировки [7].

При этом встает вопрос: почему от имени ислама чаще, чем от имени любой другой религии, в современном мире осуществляются акты насилия? Американский социолог и политолог С. Хантингтон считал, что ислам от самых своих истоков был «религией меча», он прославляет военную доблесть, чего нет в других мировых религиях. Пророка Мухаммада преподносят как закаленного воина, чего нельзя сказать о Христе или Будде. Коран содержит отдельные запреты насилия, но целостная концепция отказа от насилия в исламе отсутствует [7].

По оценкам Pew Research, конец XX – начало XXI в. характеризуется глобальным исламским подъемом. В результате иммиграционных волн с Ближнего Востока, из Северной Африки и Юго-Восточной Азии значительно увеличилась мусульманская диаспора во многих странах глобального Запада, население которых исповедует другую религию. При этом претензии и требования мусульман носят все более агрессивный характер. Данное обстоятельство вызывает ответную реакцию со стороны представителей других религий, их сопротивление становится все более очевидным. В Африке оно приобретает форму откровенного и воинствующего христианско-мусульманского противостояния.

В США после 11 сентября 2001 г. – новый подъем евангелистского фундаментализма и негативная реакция на ислам [9].

Как представляется, этому могла способствовать происходящая в мире глобализация, в том числе в связи с развитием технологий, таких как связь, Интернет. Общение людей, придерживающихся одинаковых взглядов, убеждений (не обязательно даже религиозных), становится практически беспрепятственным по всем континентам. Это может служить благодатной почвой для взращивания тех процессов, о которых мы говорим в этой статье. Поэтому и противостоять конфликтам на религиозной почве можно только общим стремлением всех конфессий к поддержанию мира и согласия между собой.

Таким образом, внимание к проблемам взаимодействия ислама и политики не ослабевает, что во многом связано с событиями последних лет в Афганистане и на Ближнем Востоке. По всей видимости, демографический рост в странах ислама, подверженность в нынешних социально-экономических и политических условиях в мусульманском мире большинства населения религиозному влиянию вызывают озабоченность мировой общественности и сохранение исламофобских настроений [10].

В системе власти стран Центральной Азии важную роль играют клановые интересы, там возрастает роль конфессионального элемента, но одновременно продолжает сохраняться светская власть. В этом смысле государства ЦА, находящиеся в буферной зоне межрегионального взаимодействия, как бы аккумулируют разные региональные политические интересы (Ирана, Турции и Афганистана). Их конечная составляющая из-за разнородности этих интересов и религиозной направленности, а также нестабильности самих политических режимов, ни один из которых фактически не решил проблему преемственности власти, пока остается неясной [3].

В перспективе взаимоотношений России со странами Большого Ближнего Востока многое будет зависеть от того, радикальное крыло исламизма или умеренное сможет получить большинство по результатам политической борьбы. Ситуация в данном регионе как минимум не ухудшится, если победу одержат умеренные, использующие принципы ислама для продвижения политических интересов местного господствующего класса. При победе радикальных исламистов ситуация может стать непредсказуемой.

И если предположить, что к власти в Афганистане придут талибы и их союзники, имеющие неисчерпаемый человеческий ресурс, то борьба с «неверными» может выйти за пределы ИРА и распространиться на весь Восток и далее

на весь мир. Может произойти большая исламизация всего мусульманского мира. В подобной перспективе России следует выстраивать диалог с тем крылом умеренных талибов, которое выступает за прекращение военных действий.

Список литературы

1. Исламская республика: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
2. Торин А. «Арабская весна»: прогнозы экспертов, внешнеполитические реалии: <http://interaffairs.ru>.
3. Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2007. 190 с.
4. Политика и религия: <http://sr.artap.ru>.
5. Религия и политика: <http://www.prosv.ru>.
6. Серенко А. Навстречу исламистской модернизации Афганистана: <http://www.afghanistan.ru>.
7. Еленский В.Е. Религия в глобальной политике: конец XX – начало XXI века: <http://www.religiopolis.org>.
8. Серенко А. Афганский наркотрафик не пустят в Россию мусульмане: <http://www.ng.ru>.
9. Muslim-Western Tensions Persist. Common Concerns About Islamic Extremism: <http://www.pewglobal.org>.
10. Юлдашева Г.И. Роль Ислама в современной политике: мнение зарубежных экспертов: <http://islam.ru>.
11. Афганскому наркотрафику повысят статус до уровня угрозы: <http://www.drug1.ru>.
12. Война и бизнес талибов: <http://www.afghanistan.ru>.
13. Катрич Л.В. Религиозный фактор в современном терроризме: <http://www.honestnet.ru>.
14. Коргун В.Г. Россия и Афганистан: Исторические пути формирования образа России в Афганистане. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.
15. Независимая газета: <http://www.ng.ru>.
16. О причинах и последствиях «афганского наркотрафика» для Российской Федерации: <http://odin-fakt.ru>.
17. Поволоцкий Г. Шиито-суннитские отношения на современном этапе: <http://interaffairs.ru>.
18. Analysis: Who are the Taliban?: <http://news.bbc.co.uk>.
19. Opium production in Afghanistan shows increase; prices set to rise: <http://www.unodc.org>.

CONFESSIONAL FACTOR IN A STATE'S FOREIGN POLICY (BASED ON THE EXAMPLE OF AFGHANISTAN)

M.A. Dyakonova

Some conflicts involving the confessional factor are considered. The author shows possible ways of solving this type of conflicts with the help of religion and the world community, both in Afghanistan and in the countries of the Greater Middle East.

Keywords: politics, foreign policy, confessional factor, religion, Afghanistan, Islamic state, conflict, international relations, world community, drugs problem, terrorism.